

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-120-135

Научная статья / Research article

Гендерное измерение цифрового вигилантизма в России

А.В. Волкова^{ID}✉, Г.В. Лукьянова^{ID}, Т.А. Кулакова^{ID}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

✉AV.Volkova@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию гендерных аспектов цифрового вигилантизма в России. Под цифровым вигилантизмом авторы, опираясь на многочисленные зарубежные исследования, понимают скоординированные действия гражданских групп в виртуальном пространстве (не исключая переход в офлайн) в ответ на мнимые или реальные действия третьих лиц или выражение возмущения событием реального мира, зафиксированным и выложенным в сеть. Цифровой вигилантизм выступает как неформализованный институт сетевого гражданского общества, регулирующий поведение и карающий граждан за недопустимые с точки зрения вигилантов поступки или намерения. Сегодня в России популярны движения, которые были сформированы в результате взаимодействия общественных организаций, активистов-одиночек и власти, которые теперь выступают в роли вспомогательных институтов. Данное явление позволяет говорить о распространении управляемого вигилантизма. Таким образом, мы можем утверждать, что властные структуры признают невозможность разрешения отдельных конфликтных ситуаций в рамках формальных институтов, а потому легитимизируют их урегулирование посредством сетевого взаимодействия. Для исследования гендерных характеристик российских вигилантных сообществ при помощи API (application programming interface) ВКонтакте были собраны данные о подписчиках шести групп: «СтопХам», «Лев Против», «Хрюши против», «Сорок Сороков», «Антидилер», «Трезвый двор». Был сформирован датасет, состоящий из 818 927 записей, включающий основную социально-демографическую информацию о пользователях (ID, указанные пользователем имя, пол, возраст, город). Выполненная при помощи API ВКонтакте выгрузка постов и комментариев за последние два года, а также собранная база подписчиков типичных вигилантных сообществ в социальной сети ВКонтакте (2900 подписок) позволили приблизиться к пониманию мотивов пользователей, описать социальный портрет «типичного цифрового вигиланта» и определить гендерные характеристики движения. Результаты исследования подтверждают проблему сохранения гендерной асимметрии и наследования устойчивых культурных стереотипов о соотношении «женского» и «мужского» даже применительно к такой новой форме гражданского активизма в России, каким является цифровой вигилантизм.

Ключевые слова: цифровой вигилантизм, публичная политика, гражданское общество, гражданское участие, публичные ценности, гендер, сетевое общество

Для цитирования: Волкова А.В., Лукьянова Г.В., Кулакова Т.А. Гендерное измерение цифрового вигилантизма в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 120–135. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-120-135>

© Волкова А.В., Лукьянова Г.В., Кулакова Т.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 21-011-31445 «Цифровой vigilantизм и практики формирования публичных ценностей: захват сетевого гражданского общества?».

Gender Dimension of Digital Vigilantism in Russia

Anna V. Volkova , Galina V. Lukyanova , Tatiana A. Kulakova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

 AV.Volkova@rambler.ru

Abstract. Digital vigilantism can be defined as the coordinated actions of civic groups in virtual space (not excluding the possibility of going offline) in response to imaginary or real actions of third parties or as the expression of outrage at a real-world event recorded and uploaded online. Digital vigilantism serves as an informalised institution of online civil society, regulating behaviour and punishing citizens for actions or intentions that are inappropriate from the vigilantes' point of view. In modern Russia, movements that were formed as a result of the interactions between NGOs, individual activists and the authorities, that are now acting as auxiliary institutions, become quite popular. This phenomenon suggests the spread of guided vigilantism. The authors argue that the governmental structures recognize the impossibility of solving some conflict situations within formal institutions and therefore legitimize their regulation through network interactions. This article focuses on the gender aspects of digital vigilantism in Russia. In order to analyze gender characteristics of Russian vigilante communities, the authors collected the data on the subscribers of six online communities using the VKontakte API (application programming interface): “StopHam”, “Lev Protiv”, “Khrushi Protiv”, “Sorok Sorokov”, “Anti-Dealer” and “Sober Yard”. A dataset of 818 927 records was generated, which included basic socio-demographic information about the users (ID, user-specified name, gender, age, city). Analyzing the posts and comments uploaded over the last two years and the database of subscribers of typical vigilante communities in the VKontakte social network (2900 subscriptions), the authors were able to come closer to understanding users' motivations, define the social portrait of a “typical digital vigilante” and identify gender characteristics of the movement. Research outcomes confirm the problematic persistence of gender asymmetry and the inheritance of enduring cultural stereotypes regarding the correlation between “the female” and “the male”, even concerning such a new form of civic activism in Russia as digital vigilantism.

Keywords: digital vigilantism, public policy, civil society, citizen participation, public values, gender, networked society

For citation: Volkova, A.V., Lukyanova, G.V., & Kulakova, T.A. (2022). Gender dimension of digital vigilantism in Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 120–135. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-120-135>

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, project No 21-011-31445 “Digital vigilantism and the practice of creating public values: hijacking network civil society?”.

Введение

Оптимизм исследователей публичной сферы на протяжении нескольких десятилетий базировался на представлении об Интернете как о пространстве, которое будет способствовать демократическому обсуждению вопросов

публичного управления, формированию публичных ценностей, вовлечению в публичность и обеспечению общественного консенсуса. В настоящее время во всем мире растет беспокойство по поводу того, что Интернет, воспринимаемый как «дикая сеть» [McLure 2000], усиливает процессы поляризации мнений, провоцирует распространение дезинформации, конфликты, дестабилизацию политического поля [Cararini, Gogolewska 2021] и способствует росту социальных размежеваний, в том числе по гендерному признаку. «Режим общения «один-ко-многим», характерный для онлайн-общения, обуславливает появление изолированных индивидуумов и формирование внутренне однородных, но непохожих друг на друга несогласованных подгрупп» [Keijzer 2018:1–2].

Ряду европейских исследователей цифровая революция представляется концом демократии и демократических свобод, которые были кропотливо завоеванные в прошлом веке¹. Актуализируется угроза цифрового авторитаризма, диктата, захвата гражданского общества [Meagher 2007] или формирования «сумеречных» институтов, «действующих на границе между государством и обществом, публичным и частным» [Lund 2006:686; см. также Helmke 2004]. Сумеречные (промежуточные) институты, согласно М.З Ароби, берут на себя управленческие функции и тем самым способствуют нормальному функционированию государства и общества, к примеру, пытаются напрямую бороться с «правонарушителями» [Arrobi 2018:233].

Среди проблем, волнующих обществоведов всего мира, – разрастание и распространение вигилантизма, социального явления (специфической формы гражданской активности), которая привлекла внимание ученых еще в конце XX века, но стала реальной проблемой в эпоху цифровых трансформаций [Brighenti 2007; Dennis 2008; Fuchs 2015]. В научной литературе по криминологии данное явление определялось как «запланированные и организованные гражданами публичные акты насилия» [Burrows 1976; Abrahams 2003], направленные против нарушителей общественного порядка. Формирование общепризнанного определения вигилантизма до сих пор затруднено, но наиболее простой его дефиницией является «взятие закона в свои руки», что подразумевает реакцию инициативных граждан на угрозы или действия, нарушающие формальные границы установленного социально-политического порядка [Rosenbaum 1974:542; Bateson 2021; Nivette 2016]. Цифровой вигилантизм (Internet vigilantism, netilantism, cyber-vigilantism) и такие его формы, как травля (doxxing) [Douglas 2016; Trottier 2019], онлайн-опозоривание (online shaming) [Skoric et al. 2010] и др. во всем мире осознаются как серьезные проблемы сетевого гражданского общества [Stan 2011; Schubert 2013; Smith 2019]. Для российских общественных наук термин нов, хотя встречаются

¹ Mechanisms that Shape Social Media and their Impact on Society // Report on the State-of-the-Art in Research. Shaping Europe's digital future. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/mechanisms-shape-social-media-and-their-impact-society-report-state-art-research> (accessed: 04.12.2021).

отдельные работы по данной проблематике [Волкова, 2021]. Под цифровым вигилантизмом мы понимаем скоординированные действия гражданских групп в виртуальном пространстве (не исключая переход в офлайн) в ответ на мнимые или реальные действия третьих лиц или моральное возмущение в отношении события, которое было зафиксировано в реальном мире и передано через мобильные устройства [Trottier 2017]. Цифровой вигилантизм, разворачивающийся через социальные платформы, выступает как неформализованный институт сетевого гражданского общества, регулирующий поведение и карающий граждан за недопустимые с точки зрения вигилантов поступки или намерения (см. также [Anderson 2002; Obert 2018]). В реализации дискурсивных практик он ориентирован как на сложившиеся национальные ценности, так и подвижные «универсальные» ценности, иллюстрируемые феноменом «новой этики».

Это крайне неоднозначный и противоречивый феномен, поскольку вигилантизм может выступать как элемент гражданского общества, базирующийся на таких ценностях как ответственность, участие, открытость, сотрудничество, и оказывать помощь системе публичной власти и управления [Skoric et al. 2010:181–182]. Поддержка со стороны органов государственной власти или спонсоров (при условии явной артикуляции декларируемых движениями публичных ценностей в реальном и информационном пространстве) обусловлена способностью вигилантов поддерживать механизмы идеологической координации общества и компенсировать недостаточно эффективную деятельность органов власти [Кулакова 2021].

Однако с развитием коммуникативных способностей граждан и распространением персональных гаджетов в мире все чаще возникают акции, узурпирующие государственные функции, вплоть до присвоения права на легитимное насилие [Wilkinson 2009:32; Mclure 2000]. Вигилантизм в таком случае ставит под угрозу управляемость государства и является вызовом государственному суверенитету в целом. Сегодня активно изучаются правовые аспекты деятельности бдительных граждан и их участие в процессах формирования публичных ценностей [Asif 2019; Tanner 2019], а тема гендерного изменения цифрового вигилантизма практически не затрагивается. Цель данного исследования – выявить гендерную специфику цифрового вигилантизма в России.

Цифровой вигилантизм в России: общее и особенное

В России цифровой вигилантизм, как новый формат гражданской активности в интернет-пространстве, начинает набирать популярность после 2010 г. как результат действия целого ряда факторов: развития интернет-коммуникации, социальных сетей и распространения персональных гаджетов, трансформации проправительственных молодежных проектов («Наши», «Молодая гвардия» и др.), в результате которой активная молодежь начинает искать новые точки приложения усилий. Сказались и последствия мировых

кризисов 2008–2009 г.: происходит падение доходов, начинает сказываться дефицит доверия институтам власти и предлагаемым политической элитой проектам. За прошедшее десятилетие среди большого числа различных гражданских организаций и движений в России многие были маркированы СМИ как вигилантские, при этом подавляющая часть подобных движений и организаций столкнулась с такой проблемой, как блокирование их сообществ в социальных сетях. В то же время ряд групп, борющихся за общественный порядок и общественную мораль существуют вполне благополучно.

Вигилантские группы «СтопХам», «Лев Против», «Хрюши против» объединяют самопровозглашенных борцов за законность и справедливость. Они действуют на грани закона, проводят яркие, эмоциональные (скандальные) рейды и популярны в социальных сетях, ведь поводом для мобилизации граждан становятся резонансные случаи нарушения общественного порядка (нарушение правил парковки и ПДД, распитие спиртного в общественных местах, реализация просроченных продуктов). Речь идет о достаточно масштабных общероссийских движениях. «СтопХам»² насчитывает ВКонтакте 406 649 участников, «Лев Против»³, «Антидилер»⁴, и «Хрюши против»⁵ – 306 956, 1 230 и 49 600 пользователей соответственно. Они имеют схожий генезис и могут быть отнесены к модели *управляемого* (лояльного) вигилантизма, который старается держаться в рамках вспомогательного института (защищает закон, взаимодействует с правоохранительными органами, получает финансирование и не блокируется в сети), совершая редкие действия «замещающего» института в случае бездействия полиции (драки, порча имущества, случаи самосуда). Эти вигилантские сообщества общероссийского (федерального) масштаба задают тон и институциональные рамки движения, порождают плеяду подражателей на региональном и муниципальном уровнях: так возникают организованные в интересах локальных сообществ, но копирующие стиль федеральных проектов петербургские группы «ДНД. Мушинский паруль», «Петергоф патруль» и др.

Тот факт, что движение «СтопХам» изначально было санкционировано элитными группами и в статусе НКО даже некоторое время получало грантовую поддержку, подтверждает, что создание групп, готовых соблюдать общие принципы правил игры и навязывать общие ценности с лишь небольшими, эпизодическими формальными нарушениями буквы закона, представлялось российской правящей элите работающей (управляемой) моделью выстраивания отношений внутри сетевого гражданского общества. В частности, в 2019 г. член

² Страница движения «СтопХам» ВКонтакте. URL: <https://vk.com/stopxam> (дата обращения: 23.10.2021).

³ Страница движения «Лев Против». URL: <https://vk.com/lionvs> (дата обращения: 15.12.2021).

⁴ Страница движения «Антидилер». URL: https://vk.com/antidiler_official (дата обращения: 16.12.2021).

⁵ Страница движения «Хрюши против». URL: <https://vk.com/hrushigroup> (дата обращения: 16.12.2021).

Общественной палаты Артем Кирьянов предлагал Главе МВД РФ легализовать движения и выдать активистам движений «Лев против» и «СтопХам» аккредитацию народных дружинников⁶. Это стремление к формированию ресурсов, позволяющих контролировать настроения и канализировать публичные практики, используя агрессию одних групп против других, при условии, что эти группы идут не против властей, создающих локализованные узлы недовольства (или клапаны для «выпускания пара»), а параллельно им, сегодня рассматривается во всем мире как неоднозначная и весьма опасная практика. Действительно, что остановит граждан, освоивших технологии социально-политической активности, агрессивной по своему характеру и реализуемой в обход государственно-правовой системы в одной сфере (например, борясь со сбытом просроченных продуктов питания или некачественной уборкой мусора), если они перенесут инициативу насильственного поддержания порядка в другие сферы (как это было в ходе президентской кампании Д. Трампа в 2020 г.)? [Bateson 2021]. Негативные оценки зарубежных исследователей исходят как из чрезмерной криминальной окраски деятельности вигилантов, игнорирования ими процедурных вопросов поддержания правопорядка, несамостоятельности выработки повестки и объектов акций, так и корыстного интереса в получении известности и расширения возможности влияния в цифровой среде.

Данный тезис подтверждается тем, что параллельно в российском сегменте интернет-пространства получают распространение различные *ситуативные* вигилантские сообщества, чье возникновение и институциональный дизайн обусловлены конкретной (часто внезапной) проблемой, как правило острой и имеющей широкий охват. В качестве примера можно привести группы общественных наблюдателей и патрули, которые действовали в период жесткой изоляции в первую волну COVID-19 в России в 2020 г. Бдительные граждане проводили рейды, снимали фото и видеоматериалы, обличающие незаконно работающие магазины, пункты общественного питания и сферы услуг для передачи в правоохранительные органы, на горячие линии, а также выкладывали эту информацию в социальных сетях с целью призвать к ответственности тех, кто нарушает режимные требования в общественных местах.

Кроме институционализированных форм можно обнаружить и проявления «спонтанного» (неинституционализированного) вигилантизма, когда в рамках популярных сетевых проектов периодически возникают «точки концентрации» бдительных граждан, не перерастающие в устойчивые группы. Так, к примеру, «Подслушано» – «социальный развлекательный проект, в котором люди делятся каждый день своими секретами, откровениями и жизненными ситуациями анонимно перед огромной аудиторией»⁷, имеет странички-представительства во всех крупнейших городах. В «Подслушано» «можно

⁶ Главе МВД предложили легализовать движение «Лев против». URL: <https://ria.ru/20190624/1555840298.html> (дата обращения: 24.12.2021).

⁷ Главная страница проекта. URL: <https://ideer.ru/> (дата обращения: 25.12.2021).

увидеть настоящую жизнь во всей красе глазами сотен тысяч людей», а также проблемы и конфликты региональных социумов.

Примечательно, что таким образом формируются не только вигилантские сообщества, но и группы их противников или «анти-вигиланты» (фонд «Общественный вердикт», борцы с антиваксерами и др.).

Сегодня в России вигилантские сообщества претендуют на роль значимого субъекта публичной политики, и, учитывая исследования, показывающие гендерную асимметрию российского политического пространства, возникает вопрос о том, возможно ли сохраняющиеся в российской политике неформальные правила «игры в гендер» [Айвазова 2007] проследить также и в среде российских цифровых вигилантов?

Гендерная асимметрия управляемого вигилантизма

В контексте этой проблемы следует обратить внимание, прежде всего, на созданное в 2013 г. движение «Сорок Сороков», позиционирующее себя как ответную реакцию «на информационную кампанию, направленную против Русской Православной Церкви, и на скандал с „Pussy Riot“»⁸, феминистской панк-рок-группой, участницы которой были осуждены по статье «хулиганство» в 2012 г. И несмотря на то что среди направлений можно выделить помощь социально депривированным группам (бездомным, заключенным), сохранение культурного наследия (храмов), охранительные и защитные функции понимаются как основные. Это визуально закрепляется гендерно окрашенной эмблемой движения (суровый русский витязь с обнаженным мечом и щитом). Движение заявляет о своих приоритетах достаточно категорично: «Не вернувшись к православию, Россия вымрет. По сути, вопрос уже стоит ребром: православие или смерть»⁹. Это первая группа такого плана, имеющая внутри разделение по половому принципу на «Братство» и «Сестричество», что соответствует религиозному мировоззрению и традиционному, патриархальному разделению на «мужскую» и «женскую» половину в храме и в доме, православному представлению о гендерных ролях в обществе. На эмблеме Сестричества – женщина-мать в древнерусском одеянии, держащая девочку на руках и укрывающаяся за спиной отрока, стоящего с обнаженным мечом и щитом, что подчеркивает традиционное распределение гендерных ролей и приверженность патриархальному укладу. Дизайн основной страницы, оформление страниц в социальных сетях строится вокруг образа ратника, подавляющее большинство образов – мужчины. Инициаторами создания Движения выступили музыкант, общественный деятель, обладатель почетного знака «Родительская слава г. Москвы» А. Кормухин и мастер спорта международного класса по боксу, чемпион России и Европы (по юниорам) В. Носов.

⁸ Официальный сайт движения «Сорок сороков». URL: <https://soroksorokov.ru/sorok-sorokov/> (дата обращения: 21.12.2021); страница движения ВКонтакте. URL: https://vk.com/sorok_sorokov (дата обращения: 23.12.2021).

⁹ Официальный сайт движения «Сорок сороков». URL: <https://soroksorokov.ru/sorok-sorokov/> (дата обращения: 23.12.2021).

В процессе исследования гендерных характеристик российских вигилантских сообществ при помощи API ВКонтакте были собраны данные о подписчиках шести групп: «СтопХам», «Лев Против», «Хрюши против», «Сорок Сороков», «Антидилер», «Трезвый двор» (ID, указанные пользователем имя, пол, возраст, город).

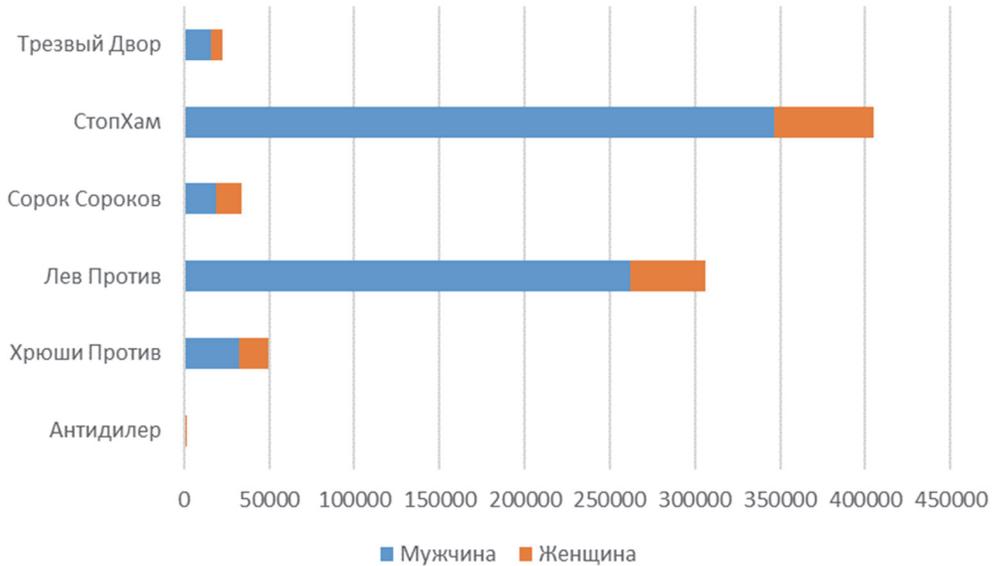

Рис. 1. Гендерное распределение в сообществах вигилантов ВКонтакте
 Источник: составлено авторами по результатам исследования

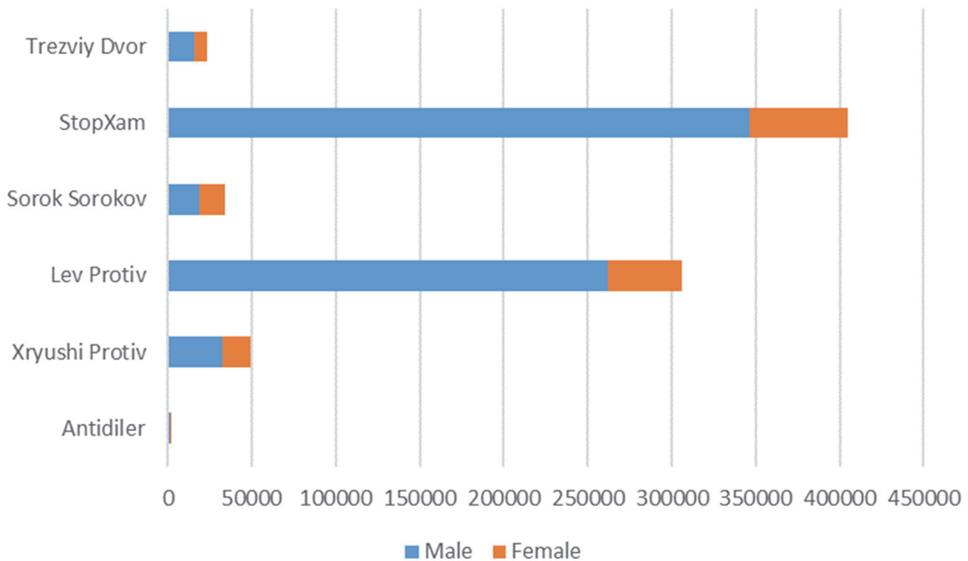

Fig. 1. Gender distribution in the vigilante communities of VKontakte
 Source: compiled by the authors based on research results

Как наглядно представлено на рис. 1, российские вигилантские сообщества преимущественно состоят из мужчин. Возраст участников 18–35 лет. Только движение «Сорок Сороков», предусматривающее внутри группы «женское» («сестринское») объединение, демонстрирует практически равное число зарегистрированных пользователей. Участники движения относятся к средней возрастной группе.

Данные табл. 1 дают более четкое представление о процентном соотношении участников обоих полов.

Таблица 1

Гендерное распределение в сообществах вигилантов, %

Гендерная принадлежность участников сообщества	СтопХам	Лев Против	Антидилер	Трезвый двор	Хрюши против	Сорок Сороков
Мужчина	86	86	68	68	65	55
Женщина	14	14	32	32	35	45
Итого	100	100	100	100	100	100

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Table 1

Gender distribution in vigilant communities, %

Gender of participants	StopHam	Lev Protiv	AntiDiler	Tresvyi dvor	Hrushy Protiv	Sorok Sorokov
Male	86	86	68	68	65	55
Female	14	14	32	32	35	45
Total	100	100	100	100	100	100

Source: made by the authors.

Наиболее четко «маскулинный характер» выражен в сообществах «Стоп Хам» и «Лев Против», где максимальный процент участников-мужчин. Примечательно, что во главе этих движений, а также во главе «Сорок Сороков», «Антидилер», «Трезвый двор» стоят молодые, харизматичные мужчины с подчеркнутой маскулинностью. Силовая составляющая (спорт, армия, боевые единоборства) является весьма важным элементом идеологии групп и имиджа как самих лидеров, так и активистов движения. Это прослеживается в дискусе сообщества и в паттернах поведения.

Среди крупнейших вигилантских сообществ федерального (общероссийского) уровня исключение составляет только проект «Хрюши против», позиционирующий себя как волонтерское движение и декларирующий своей целью «общественную борьбу с некачественными продуктами в магазинах и на рынках»¹⁰. Несмотря на значительный процент мужчин-участников проект

¹⁰ Официальная страница проекта «Хрюши против». URL: <https://хрюши.рф/about> (дата обращения: 14.12.2021).

может быть назван «женским». Прежде всего потому, что во главе проекта стоят молодые и привлекательные женщины. Это Евгения Сморгочкова, основатель проекта по защите прав потребителей в 2010 г., выступившая против того, что покупателей «часто путают со свиньями» и определившая формат и политику движения, руководитель проекта – Светлана Васильева и специалист по развитию – Валерия Еловацкая. Не менее важно, что тема качества продуктов питания, вопросы приготовления пищи, проблемы здоровья семьи и детей (как и сами походы по магазинам) – темы женской аудитории, важная часть традиционных представлений о роли женщины-матери в российском социуме. Само название движения звучит не агрессивно (именно как «хрюши», а не «свиньи», «поросята»), было выбрано слово не только мягкое по звучанию и не имеющее прямых ассоциаций с питанием, но и ассоциирующееся с персонажем из детской передачи.

Выполненная при помощи API ВКонтакте выгрузка постов и комментариев за последние два года, а также собранная база подписчиков типичных виgilантских сообществ в социальной сети ВКонтакте позволили определить гендерные характеристики движения. Следует отметить, что большинство групп, на которые подписаны участники виgilантских движений, носят неполитический характер и могут быть отнесены к развлекательным.

Группы интересов активистов «Лев Против», «СтопХам» обладают ярко выраженной «маскулиной направленностью». Часть групп имеют четкую гендерную принадлежность («Академия Порядочных Парней», «Мужские мысли», «Мужской рай», «Армия – мужское сообщество» и др.), причем контент большинства групп балансирует на грани норм приличия, содержит откровенные фото и плохо завуалированную ненормативную лексику.

Сравнивая наиболее популярные среди активистов-вигилантов группы социальной сети ВКонтакте, можно увидеть разницу: обозначенная нами условно как «женская группа» «Хрюши против» демонстрирует отличный от других ранжированный перечень интересов, типичный для женской аудитории: «Свадьба в Доминикане», «БОРЩ», «Волосы на заколках», «Клуб красоты – женский журнал», наряду с типичными для виgilантов развлекательными группами «Сарказм», «Черный юмор», «Счастье и смех», «Убойный юмор» и др.

Несмотря на то, что проведение рейдов для выявления и шейминга нарушителей – общая стратегия российских виgilантов, анализ наиболее популярных видео (по 50 на каждое сообщество) и собранные при помощи YouTube Data API текстовые расшифровки также показали разницу поведенческих паттернов «мужских» и «женской» групп.

Так, например, Видеоролики «Лев Против», смонтированы в технике, напоминающей прямой репортаж с места событий, носят достаточно однотипный и агрессивный характер («Пьяная толпа устроила ужас в парке. Массовые нарушения закона. Потасовка...») и т.п). Съемки сюжетов в основном проходят ночью, а характерной чертой данного ютуб-канала является лаконичность и экспрессивная подача материала, задача которого – эмоциональное воздействие на аудиторию с целью вовлечь в собственную деятельность,

получить поддержку в виде лайков или финансовых пожертвований. Характер комментариев позволяет сделать вывод о том, что для большинства подписчиков просмотр данных видео – это вариант грубого развлечения, это общество, позволяющее не сдерживаться в проявлении своих реакций под лозунгом борьбы за общественно значимые цели (против курения и распития алкогольных напитков в общественных местах).

В отличие от других вигилантских пабликов видеоматериалы движения «Хрюши против» не выглядят импровизациями, а материал подается в достаточно мягкой манере, соответствующей традиционному представлению о женщине-матери, женщине-хозяйке, и ориентирован на женскую аудиторию. Видео на официальном ютуб-канале (ролики, посвященные самим акциям, и комментарии руководительницы организации С. Васильевой по поводу особенно резонансных рейдов и их последствий) выходят регулярно. Следует отметить изначально миролюбивый посыл активистов. Ролики начинаются не с агрессивных призывов разгромить торговую площадь, а с предложения разобраться в ситуации («Смотри как грязно! Почему?.. Пойдемте, посмотрим»). Часто происходят обращения к покупателям с просьбой о помощи в поисках просроченного товара, что, с одной стороны, свидетельствует о демонстрации намерения быть вместе с простыми гражданами, открытости, а с другой – заботы, что переводит дискурс движения из разряда общественно-политических в общественно-бытовой. Видео «Хрюши против» не носят развлекательный характер, в них отсутствует стремление к сенсационному разоблачению. Это рассказы о том, как активисты последовательно достигают своих целей в обеспечении исполнения правил торговли и сбыта товаров, включая выступления в суде против магазинов, нарушающих закон «О правах потребителей», и ответы на вопросы пользователей, сочувствующих движению.

Заключение

Распространение цифрового вигилантизма, как практика внесудебного общественного осуждения, возникающая, когда уполномоченные структуры правопорядка не справляются с функционированием и отдельные индивиды или группы в обществе берут исполнение этих функций на себя, свидетельствует о кризисе доверия системе публичной власти. Нельзя забывать о том, что «Хрюши против», как и другие исследованные в рамках проекта вигилантские группы, дублируют или подменяют деятельность конкретных формальных структур, в частности Роспотребнадзора, которые имеют представительства в Интернете, соцсетях¹¹, однако не смогли мобилизовать и привлечь граждан.

При этом исследованные вигилантские сообщества избегают политических тем. Подписок на группы, которые можно было бы отнести к политической сфере (официальные страницы партий и движений), а также группы

¹¹ Официальная страница Роспотребнадзора ВКонтакте. URL: <https://vk.com/rospotrebnadzor.official> (дата обращения: 25.12.2021).

протестного характера (например, связанные с известными оппозиционными лидерами) не было обнаружено. Социальные проблемы они связывают с безответственными гражданами или недобросовестным бизнесом, а не с плохим качеством государственного управления.

Следует признать, что вигилантизм, как социальный феномен, является специфической формой гражданской активности и вовлечения в публичность для определенных групп населения, что и обуславливает его существование при различных режимах, но для системы публичной власти не исключена возможность взаимодействия с такими движениями (как в онлайн, так и в офлайн-форматах). Так, их деятельность воплощается в конкретных управленческих решениях. Например, в декабре 2021 г., согласно поручению Президента России, Правительство должно было начать разрабатывать вопрос об исключении технической возможности продажи просроченных или незаконно введенных в оборот продуктов¹². В случае успеха эта активность, направленная на повышение эффективности государственного контроля в области оборота продуктов, может значительно ослабить позиции «Хрюш» в публичном поле и потенциально сохранить их как вспомогательный и строго контролируемый инструмент дополнительного контроля.

Несмотря на широкое признание того факта, что технологии ощутимо меняют природу человека, на примере российских цифровых вигилантских движений можно убедиться, что даже новейшие, инновационные формы гражданской активности не свободны от гендерных стереотипов. Они показывают, что в системе ценностей многих женщин не только политика, но и гражданская активность воспринимаются как нечто несоответствующее женской природе. Наиболее активны женщины в тех вигилантских группах, которые обозначены организаторами мужчинами как «женские» (Сестричество в «Сорок сороков») или в тех сообществах, которые связаны с такими традиционно женскими вопросами, как быт (домашний очаг) или здоровье детей.

Показательным примером спонтанного вигилантизма, причиной которого стал вопрос гендерных ролей, может быть назван скандал, возникший летом 2021 г. в ходе рекламной кампании ВкусВилл под названием «Рецепты семейного счастья». Когда героями сюжета в числе постоянных покупателей, рассказавших о своих любимых продуктах, оказалась семья из четырех женщин, в которой есть лесбийская пара, в сетях возмущенным сторонникам традиционных ценностей и гендерных ролей противостояли либерально ориентированные активисты.

Таким образом, внедрение цифровых технологий, которое еще десять лет назад казалось вспомогательным технико-технологическим направлением,

¹² Путин поручил проработать вопрос исключения возможности продажи просроченных продуктов. URL: https://tass.ru/ekonomika/12755901?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 25.12.2021).

а сегодня начинает определять способ мышления и логику восприятия процессов управления, не снимает проблему сохранения гендерной асимметрии и наследования устойчивых культурных стереотипов о соотношении «женского» и «мужского» в публичном пространстве России.

Поступила в редакцию / Received: 12.09.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 18.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

Библиографический список

- Айвазова С.Г.* «Игра в гендер» на поле российской политики: возможность институциональных изменений // Россия реформирующаяся. 2007. № 6. С. 319–331.
- Волкова А.В., Лукьянова Г.В., Мартыанов Д.С.* Цифровой вигилантизм: поведенческие паттерны и ценностные ориентации // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 2. С. 37–52.
- Кулакова Т.А., Волкова А.В., Будко Д.А.* Конфликты «эпохи цифрового вигилантизма» // Конфликтология. 2021. Т. 16. № 4. С. 9–27.
- Попова О.В.* Гендерные партии в современной России: проблемы и перспективы // Политическая наука. 2015. № 1. С. 186–199.
- Abrahams R.* What's in a name? Some thoughts on the vocabulary of vigilantism and related forms of informal criminal justice // *Informal Criminal Justice* / D. Feenan (ed.). London: Ashgate, 2003. P. 25–40.
- Anderson D.M.* Vigilantes, violence and the politics of public order in Kenya // *African Affairs*. 2002. Vol. 101, no. 405. P. 531–555. <https://doi.org/10.1093/afraf/101.405.531>
- Arrobi M.Z.* Vigilantism as 'Twilight Institution': Islamic Vigilante Groups and the State in Post-Suharto Yogyakarta // *PCD Journal*. 2018. Vol. 6, no. 2. P. 213–237. <https://doi.org/10.22146/pcd.35215>
- Asif M., Weenink D.* Vigilante rituals theory: A cultural explanation of vigilante violence // *European Journal of Criminology*. 2019. November. P. 1–20. <https://doi.org/10.1177/1477370819887518>
- Bateson R.* The Politics of Vigilantism // *Comparative Political Studies*. 2021. Vol. 54, no. 6. P. 923–955. <https://doi.org/10.1177/0010414020957692>
- Brighenti A.* Visibility: A Category for the Social Sciences // *Current Sociology*. 2007. Vol. 55, no. 3. P. 323–342.
- Burrows W.* Vigilante. New York, NY: Harcourt Brace Jovanovich, 1976.
- Caparini M., Gogolewska A.* Governance challenges of transformative technologies // *Connections*. 2021. Vol. 20, no. 1. P. 91–100. <https://doi.org/10.11610/Connections.20.1.06>
- Chang L.Y.C., Poon R.* Internet Vigilantism: Attitudes and Experiences of University Students Toward Cyber Crowdsourcing in Hong Kong // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2017. Vol. 61, no. 16. P. 1912–1932. <https://doi.org/10.1177/0306624X16639037>
- Dennis K.* Keeping a close watch – The rise of self-surveillance and the threat of digital exposure // *Sociological Review*. 2008. Vol. 56, no. 3. P. 347–357.
- Douglas D.* Doxing: A Conceptual Analysis. *Ethics and Information Technology*. 2016. Vol. 18, no. 3. P. 199–210.
- Fuchs C.* Social Media and the Public Sphere // *TripleC: Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*. 2015. Vol. 12, no. 1. P. 57–101.
- Helmke G., Levitsky S.* Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspectives on Politics*. 2004. Vol. 2, no. 4. P. 725–740.
- Keijzer M.A., Mäs M., Flache A.* Communication in Online Social Networks Fosters Cultural Isolation // *Complexity*. 2018. November. P. 1–18. <https://doi.org/10.1155/2018/9502872>
- Lund C.* Twilight institutions: Public authority and local politics in Africa // *Development and Change*. 2006. Vol. 37, no. 4. P. 685–705.

- Mclure H.* The wild, wild web: The mythic American west and the electronic frontier // *The Western Historical Quarterly*. 2000. No. 31. P. 457–476.
- Meagher K.* Hijacking civil society: The inside story of the Bakassi Boys vigilante group of south-eastern Nigeria // *Journal of Modern African Studies*. 2007. 45(1). P. 89–115.
- Nivette A.E.* Institutional ineffectiveness, illegitimacy, and public support for vigilantism in Latin America // *Criminology*. 2016. No. 54. P. 142–175. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12099>
- Obert J., Mattiacci E.* Keeping vigil: The emergence of vigilance committees in pre-civil war America // *Perspectives on Politics*. 2018. 16(3). P. 600–616.
- Rosenbaum H.J., Sederburg P.C.* Vigilantism: An analysis of establishment violence // *Comparative Politics*. 1974. Vol. 6, no. 4. P. 541–570.
- Schuberth M.* Challenging the weak states hypothesis: Vigilantism in South Africa and Brazil // *Journal of Peace, Conflict & Development*. 2013. 20. P. 38–51.
- Shukan I.* Defending Ukraine at the rear of the armed conflict in Donbas: wartime vigilantism in Odessa (2014–2018) // *Laboratorium: Russian Review of Social research*. 2019. 3. P. 71–104.
- Skoric M.M., Wong K.H., Chua J.P.E., Yeo P.J., Liew M.A.* Online shaming in the Asian context: Community empowerment or civic vigilantism? // *Surveillance and Society*. 2010. Vol. 8, no. 2. P. 181–199.
- Smith N.R.* Contradictions of democracy: Vigilantism and rights in post-apartheid South Africa. Oxford University Press, 2019.
- Stan L.* Vigilante justice in post-communist Europe. *Communist and Post-Communist Studies*. 2011. Vol. 44, no. 4. P. 319–327.
- Tanner S., Campana A.* “Watchful citizens” and digital vigilantism: a case study of the far right in Quebec // *Global Crime*. 2019. Vol. 21, no. 3–4. P. 1–21. <https://doi.org/10.1080/17440572.2019.1609177>
- Trottier D.* Digital vigilantism as weaponisation of visibility // *Philosophy & Technology*. 2017. Vol. 30, no. 1. P. 55–72.
- Trottier D.* Denunciation and doxing: towards a conceptual model of digital vigilantism // *Global Crime*. 2019. Vol. 21, no. 1. P. 1–17. <https://doi.org/10.1080/17440572.2019.1591952>
- Wilkinson D.L., Beaty C.C., Lurry R.M.* Youth violence/crime or self-help? Marginalized urban males’ perspectives on the limited efficacy of the criminal justice system to stop youth violence // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2009. Vol. 623, no. 1. P. 25–38.
- Zizumbo-Colunga D.* Community, authorities, and support for vigilantism: Experimental evidence // *Political Behavior*. 2017. Vol. 39, no. 4. P. 989–1015.

References

- Ajvazova, S.G. (2007). The “gender game” on the field of Russian politics: The possibility of institutional changes. *Reforming Russia*, 6, 319–331. (In Russian).
- Volkova, A.V., Lukyanova, G.V., & Martyanov, D.S. (2021). Digital vigilantism: Behavioral patterns and value orientations. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 22(2), 37–52. (In Russian).
- Kulakova, T.A., Volkova, A.V., & Budko, D.A. (2021). Conflicts of the «era of digital vigilantism”. *Conflictology*, 16(4), 9–27. (In Russian).
- Popova, O.V. (2015). Role of women’s parties in modern Russia: Problems and prospects. *Political Science (RU)*, 1, 186–199. (In Russian).
- Abrahams, R. (2003). What’s in a name? Some thoughts on the vocabulary of vigilantism and related forms of informal criminal justice. In D. Feenan (Ed.), *Informal Criminal Justice* (pp. 25–40). London: Ashgate.
- Anderson, D.M. (2002). Vigilantes, violence and the politics of public order in Kenya. *African Affairs*. 101(405), 531–555. <https://doi.org/10.1093/afraf/101.405.531>
- Arrobi, M.Z. (2018). Vigilantism as ‘twilight institution’: Islamic vigilante groups and the state in post-Suharto Yogyakarta. *PCD Journal*, 6(2), 213–237. <https://doi.org/10.22146/pcd.35215>
- Asif, M., & Weenink, D. (2019). Vigilante rituals theory: A cultural explanation of vigilante violence. *European Journal of Criminology*, November, 1–20. <https://doi.org/10.1177/1477370819887518>

- Bateson, R. (2021). The politics of vigilantism. *Comparative Political Studies*, 54(6), 923–955. <https://doi.org/10.1177/0010414020957692>
- Brighenti, A. (2007). Visibility: A category for the social sciences. *Current Sociology*, 55(3), 323–342.
- Burrows, W. (1976). *Vigilante*. New York, NY: Harcourt Brace Jovanovich.
- Caparini, M., & Gogolewska, A. (2021). Governance challenges of transformative technologies. *Connections*, 20(1), 91–100. <https://doi.org/10.11610/Connections.20.1.06>
- Chang, LYC, & Poon, R. (2017). Internet vigilantism: Attitudes and experiences of university students toward cyber crowdsourcing in Hong Kong. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 61(16), 1912–1932. <https://doi.org/10.1177/0306624X16639037>
- Dennis, K. (2008). Keeping a close watch: The rise of self-surveillance and the threat of digital exposure. *Sociological Review*, 56(3), 347–357.
- Douglas, D. (2016). Doxing: A conceptual analysis. *Ethics and Information Technology*, 18(3), 199–210.
- Fuchs, C. (2015). Social media and the public sphere. *TripleC: Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*, 12(1), 57–101.
- Helmke, G., & Levitsky, S. (2004). Informal institutions and comparative politics: A research agenda. *Perspectives on Politics*, 2(4), 725–740.
- Keijzer, M.A., Mäs, M., & Flache, A. (2018). Communication in online social networks fosters cultural isolation. *Complexity*, November, 1–18. <https://doi.org/10.1155/2018/9502872>
- Lund, C. (2006). Twilight institutions: Public authority and local politics in Africa. *Development and Change*, 37(4), 685–705.
- McLure, H. (2000). The wild, wild web: The mythic American west and the electronic frontier. *The Western Historical Quarterly*, 31, 457–476.
- Meagher, K. (2007). Hijacking civil society: The inside story of the Bakassi Boys vigilante group of south-eastern Nigeria. *Journal of Modern African Studies*, 45(1), 89–115.
- Nivette, A.E. (2016). Institutional ineffectiveness, illegitimacy, and public support for vigilantism in Latin America. *Criminology*, 54, 142–175. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12099>
- Obert, J., & Mattiacci, E. (2018). Keeping vigil: The emergence of vigilance committees in pre-civil war America. *Perspectives on Politics*, 16(3), 600–616.
- Rosenbaum, H.J., & Sederburg, P.C. (1974). Vigilantism: An analysis of establishment violence. *Comparative Politics*, 6(4), 541–570.
- Schubert, M. (2013). Challenging the weak states hypothesis: Vigilantism in South Africa and Brazil. *Journal of Peace, Conflict & Development*, 20, 38–51.
- Shukan, I. (2019). Defending Ukraine at the rear of the armed conflict in Donbas: wartime vigilantism in Odessa (2014–2018). *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 3, 71–104.
- Skoric, M.M., Wong, K.H., Chua, J.P.E., Yeo, P.J., & Liew, M.A. (2010). Online shaming in the Asian context: Community empowerment or civic vigilantism? *Surveillance and Society*, 8(2), 181–199.
- Smith, N.R. (2019). *Contradictions of democracy: Vigilantism and rights in post-apartheid South Africa*. Oxford University Press.
- Stan, L. (2011). Vigilante justice in post-communist Europe. *Communist and Post-Communist Studies*, 44(4), 319–327.
- Tanner, S., & Campana, A. (2019). “Watchful citizens” and digital vigilantism: a case study of the far right in Quebec. *Global Crime*, 21(3–4), 1–21. <https://doi.org/10.1080/17440572.2019.1609177>
- Trottier, D. (2017). Digital vigilantism as weaponisation of visibility. *Philosophy & Technology*, 30(1), 55–72.
- Trottier, D. (2019). Denunciation and doxing: towards a conceptual model of digital vigilantism. *Global Crime*. <https://doi.org/10.1080/17440572.2019.1591952>; 15
- Wilkinson, D.L., Beaty, C.C., & Lurry, R.M. (2009). Youth violence/crime or self-help? Marginalized urban males’ perspectives on the limited efficacy of the criminal justice system to stop youth violence. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 623(1), 25–38.
- Zizumbo-Colunga, D. (2017). Community, authorities, and support for vigilantism: Experimental evidence. *Political Behavior*, 39(4), 989–1015.

Сведения об авторах:

Волкова Анна Владимировна – доктор политических наук, профессор кафедры политического управления, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: AV.Volkova@rambler.ru) (ORCID: 0000-0002-3687-5728)

Лукьянова Галина Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: g.lukiyanova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0003-1260-2124)

Кулакова Татьяна Александровна – доктор политических наук, профессор кафедры политического управления, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: t.kulakova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0003-3386-8079)

About the authors:

Anna V. Volkova – Doctor of Science in Political Sciences, Professor, Department of Political Governance of the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (e-mail: AV.Volkova@rambler.ru) (ORCID: 0000-0002-3687-5728)

Galina V. Lukiyanova – PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Institutions and Applied Political Research of the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (e-mail: g.lukiyanova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0003-1260-2124)

Tatiana A. Kulakova – Doctor of Science in Political Sciences, Professor, Department of Political Governance of the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (e-mail: t.kulakova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0003-3386-8079)